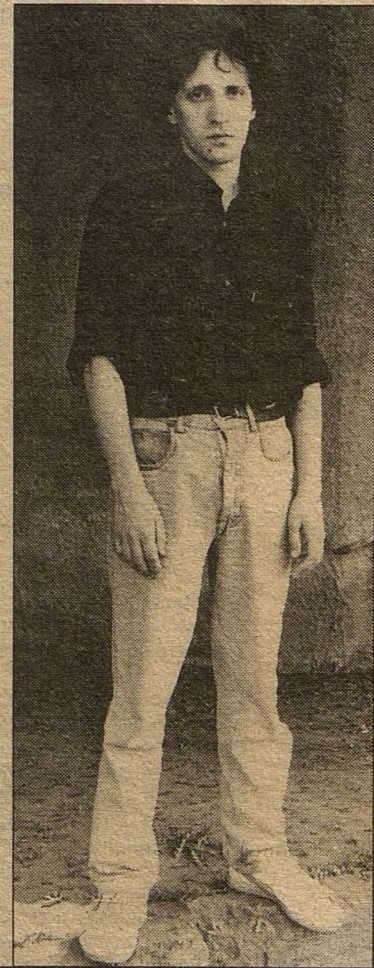

Экран и сцена -
1996. - 27 июня -
4 июля - 9/14.

Молодой человек на фотографии — Вячеслав Поздеев, тридцати лет от роду. Года два назад приехал в Петербург из Томска. Для того, чтобы начать сценическую карьеру — староват, но он сразу и дебютирует, и старожил. Полжизни он посвятил театру. Другие глаголы — кроме «посвятил» — здесь тоже применимы. Он занимался, мечтал, работал, создавал и играл — в театре и в театр. Он был бутафором, актером, гастролером, сочинителем. Бывают большие театры, бывают камерные. У Поздеева — миниатюрный. Его полное название — «Маленький театр Антона Павловича Чехова», сокращенно — «Маленький театр». Располагается он на столе, размером — с телевизор. Слава носил и возил в чемодане красивые лоскуты перламутровых оттенков, из которых прямо перед началом представления монтировал декорации, и кукол, которых сам шьет, одевает и гримирует. Приладив легкие тряпочки, зажигает свечу и читает «Повесть о Сонечке» или «Да-

му с собачкой». Ну что делать с таким провинциальным оригиналом? С этой инфантильной самобытностью, которой вроде никто и не нужен, но и она никакой зал не соберет?

Еще один сын века

Елена ГОРФУНКЕЛЬ

Но тут в Петербург приезжают на фестиваль «Балтийский дом» шведские кукольники со спектаклем «Дети Сараево». Ведущий расставляет на деревянном столе игрушечные декорации, изображающие руины Сараево, вынимает куколок и, передвигая их между декорацией, ведет диалог. Тот же маленький театр на полсотни зрителей и те же куклы, и тот же водитель. Разница между сибирским и шведским вариантами не только в степени признания (шведы — профессионалы, «Дети Сараево» — эксперимент, а Поздеев — самозванец, театральный Кулибин), но и в исполнителе, этом театральном «директоре» кукольной труппы. У шведов он скорее «машинист», которого, по условиям замысла, зрители не должны замечать. Наш кукольник — полный, главный актер спектакля, не заметить его невозможно, в нем — вся душа произве-

дения, в его больших и печальных глазах, в несмелом, хотя и готовом для сцены голосе. Темные выющиеся волосы и красный жилет делают его гостем из легендарного романтического

смысл, а он, — счастливый обладатель сокровища и одновременно сторож и хранитель, и его счастье — это углубленное и грустное размышление о тайне, теряющейся между граней. Ак-

тер только разрешает побыть тут же, у кристалла и испытать то же притяжение какого-то далекого звездного света, которое он испытывает сам, играя в маленький театр.

В «Повести о Сонечке» Поздеев был странным автором со странными персонажами, непохожими на цветаевские. Вместо того, чтобы кипеть и воспламеняться, они, повально больные меланхолией, говорили о чем-то пустяково-огромном. Вместо того, чтобы приближаться и становиться все зримей и отчетливей, они расплывались, сливались в одно неяркое колеблющееся пятно и снова разделялись. Страстным был тот человек, который смотрел на них с высоты человеческого роста — на стол, на неподвижные раскрашенные личики и смешные неуклюжие фигурки. Чем они неподвижной,

тем сильнее желание Автора ощутить их движение и услышать их голоса, и даже казалось, что мертвая тишина маленькой сцены подгоняет его воображе-

ли собственных побед. Они беспомощны и рассержены. Кстати сказать, еще одного рассерженного Вячеслав Поздеев только попытался сыграть в большом

тепелся, обмещался, и молодой человек — актер с сугубо индивидуальным театральным опытом, не зная наверняка обо всех появлениях Джимми Порте-

ра на своих и чужих сценах, подчеркнул переходящий романтизм, временный, оказавшийся почти одинаковым в Англии Джона Осборна и России Виктора Розова.

Всякий актер в роли Джимми Портера играет раздражение — в той или иной, социально опасной, степени. Джимми Поздеева минутами невменяем. Когда по открытию занавеса мы видим сидящего в кресле-качалке Джимми и видим, как он «качается», несоразмерность его волнения и уравновешенной скуки в окружающих, бросается в глаза как нарушение всех ста приличий. Если бы режиссер понимал своего актера, он мог бы решиться и на безумие как исход портеровской тоски, решился бы на превращение ее в манию величия или белую горячку. Даже этот, честно говоря, жалкий спектакль доказывает, что Осборна невозможно играть по-прежнему и соединять в финале Джимми и Элисон **новым пониманием** друг друга. Поэтому герои и не соединяются. Они бессильно и

равнодушно проговаривают последние реплики, обращаясь в разные стороны, оба — в никуда.

Опыт Джимми Портера грянул на Вячеслава Поздеева как гром среди ясного неба, под которым он, этот актер, не устроен и не видит перспективы. Ни одна статя на свете не поможет актеру ее увидеть или справиться с черной полосой в жизни, тем более романтику. Так что о рекламе хлопотать нечего. В конце концов Слава Поздеев будет находить очередные добрые квартиры, чтобы двигать по столу раскрашенных куколок со звучными именами, выбранными из мира большого театра, и десятки, сотни людей, не более часу вглядываясь и протирая очки, будут следить за мерцанием театрального и почти не улыбающимся лицом и слушать рассказы из человеческой жизни, и следить, как молчат в радужном мире куклы-идолы, важные, поддерживаемые бережно, с религиозным каким-то почтением. Возможно также, что Поздеев все бросит и «уйдет на завод». Его ситуация пограничная.

● Вячеслав ПОЗДЕЕВ